

Считается, что Саше Суворову и еще трем ребятам из Сергиев-Посадского (бывшего Загорского) детдома слепоглухих детей, о котором часто писала наша газета, просто повезло: с ними в 60—70-е годы занималась целая группа блестящих ученых, и в первую очередь выдающийся философ Эвальд Васильевич Ильенков.

Но у этого везения есть и обратная сторона: чем выше уровень развития и культуры слепоглухого, тем мучительнее боль от осознания всего того, чего лишила его слепоглухота. И Саша не скрывает этот трагизм: в своих стихах, научных статьях, а теперь вот и в своей книге «Проблемы конкретной человечности». Это всего лишь вторая в нашей истории книга, написанная слепоглухим автором. Первая — «Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир» — была написана О. И. Скороходовой в 30-е годы.

Сам факт появления рукописи Суворова — событие. Но в издательствах, куда обращался автор, ему любезно предлагали достать миллион рублей для ее издания.

Ольга МАРИНИЧЕВА, обозреватель «Комсомольской правды».

Вся жизнь — как переход через Альпы

Александр Суворов написал книгу. Кто не пишет... Но мы сегодня представляем сенсацию: вторую в нашей истории книгу, написанную слепоглухим человеком, воспитанником Загорского детского дома, выпускником психологического факультета МГУ.

У нас сейчас модно призывать к «милосердию», к благотворительной помощи инвалидам со стороны здоровых. Меня эти призывы настораживают, пожалуй, больше всего своей односторонностью, вроде неразделенной любви.

Существует также предубеждение, что общая, общечеловеческая боль, проблема — опять же привилегия только здоровых людей. У инвалида может болеть якобы лишь «инвалидная» боль. До человечества ли ему, бедняге? Когда же милосердные друзья как-то ее смягчают, то инвалиду остается только благодарить до гробовой доски за оказанную поддержку.

У меня все время речь об этом: о возможности участвовать в жизни человечества. О невыносимости — и недопустимости — социального паралича. И о том, только ли инвалидная это проблема?

...Мир, в котором вынужден жить слепоглухой, — это мир зрячеслышащих, а не его. Мир этот устроен его хозяевами в расчете на зрение и слух, а не на осязание (основной источник связи слепоглухого с окружающим миром). Все национальные языки — звуковые; одно из важнейших искусств — музыка — требует физической возможности слышать и умения слушать. Письменность, живопись, архитектура, скульптура, всевозможные шкалы в разнообразнейших приборах — все это и многое другое предполагает физическую возможность видеть и умение смотреть.

Конечно, немало сделано для выживания в этом мире слепых или глухих людей, кое-что из этих приспособлений годится и для слепоглухих. Но все-таки это не их мир: отчасти к ним подлажившийся, но все равно чужой.

Перед каждым человеком стоит выбор: либо быть послушной марионеткой, либо — личностью. На словах согласны все, что личностью быть лучше, а на деле в сложных ситуациях предпочитают роль марионеток, ибо личностью быть не только лучше, но и труднее.

Но если всем трудно быть личностью, то насколько же труднее быть личностью в условиях слепоглухоты! При абсолютной, по существу, физической зависимости от окружающих надо ухватиться не просто за край, а создать, даже завоевать независимость мысли, чувства и, самое главное, действий, образа жизни. Всем трудно противостоят нажиму противоречивых мнений окружающих. Слепоглухому противостоят этому нажиму еще труднее, почти невозможно. Все желают мне добра, все утверждают, что они-то видят истинную ситуацию и поэтому их надо слушаться. Но «видят»-то мои доброжелатели одну и ту же ситуацию по-разному — буквально кто в лес, кто по дрова. Кого же мне слушаться? Предпочел бы — никого. Выслушивать — всех, а слушаться — только голоса собственной совести.

...Мое зрение — практическая слепота. Различаю контуры не слишком мелких и не слишком крупных предметов на контрастном фоне: светлые на темном, темные на светлом. При слишком ярком солнечном свете, как и в полной темноте, вообще ничего не вижу.

Слух такой, что если звуки речи и дойдут, то слов не пойму ни за что. Речь обычной громкости без слухового аппарата не слышу, а с аппаратом ощущаю звуки, но не понимаю их слова.

Итак, исходные возможности: с тростью пешком — без посторонней помощи, если только не надо перебираться через дорогу с большим движением транспорта; ездить же без помощи (посадка на нужный маршрут и высадка в нужном месте) не могу. Но зато — редчайшее для слепоглухого преимущество: могу обратиться к первому встречному голосом — лишь бы слышали. Оглух я в девять лет, и поэтому устная речь уцелела в вполне разборчива без особого напряжения.

Я и сейчас уверен в элементарной доброте первого встречного, но убедился с тех пор, как трудно бывает объяснить человеку, что ты действительно нуждаешься в его помощи.

Раньше мои записки с конкретными просьбами спокойно брали и читали, охотно выполняли эти просьбы. Последнее же время не каждый почему-то берет протянутую записку, не каждый читает, что в вынудило меня изобрести для привлечения внимания плакатик, после чего уже идет в ход тетрадка с записками. Вот их примеры: «Товарищ, пожалуйста, прочитайте. Я слепой и глухой. Пожалуйста, переведите через дорогу. Если вам некогда, попросите кого-нибудь другого помочь мне». Обиудй текст для всех просьб неизменен, записки отличаются лишь формальными пожеланиями.

новый автобус или довести до станции метро. Есть и другие: «...Пожалуйста, возьмите деньги из моего кошелька и купите мне завтрак по своему выбору. Питья, пожалуйста, два стакана (лучше сок)».

Кстати, очень важная психологическая деталь: я предлагаю человеку, к которому обращаюсь за помощью, самому взять деньги из моего кошелька. Это демонстрация доверия. Стыдно шупать каждую монетку, пытаюсь проверить, не обчитали ли тебя.

И все же часто мне сильно кажется, что зрячие на самом деле, как бы это сказать, — «слепее» меня.

Что ж, если дураки глаза, авось, умнее уши. После нескольких злоключений, в результате одного из которых я расшибся в кровь (сбили-таки с ног), я купил набор свистков со звуком погромче и порезче. Пускай принимают за сумасшедшего, за кого угодно — наплевать, лишь бы не путались под ногами. Одно удовольствие идти по перрону: дураки шарахаются во все стороны, ближе, чем на три метра, не подходят, так что для трости полный простор, а из сотен окружающих хоть один да найдется, кто возьмет за руку и поведет!

Много было аписано строк в защиту нашей личностной полноценности. Но из этого многие сделали удобный вывод о том, что «у нас» все так же, как и «у них». Отсюда неприлично бодрый тон иных газетных и журнальных публикаций, чуть ли не приглашающих читателя ослепнуть и оглохнуть. Ничего, мол, страшного: музыку вы полноценно воспримете через вибрацию, речь тоже сможете считать пальцами с горла говорящего, и вы сможете читать по Брайлю сколько угодно художественной классики, за которой безуспешно гоняетесь в плоскочувствительном варианте. В этих утверждениях отрицающих болезненную специфику слепоглухоты, столько же гуманизма, как и у противоположной, поистине фашистской идеологии, утверждающей, наоборот, фатальную неполноценность инвалидов, годных лишь на самый примитивный труд и духовное прозябание отверженности от мировой культуры.

Осенью 1989 года в Стокгольме проходила IV Всемирная конференция слепоглухих, на которой я познакомился с докладом Ролерия Макдональда, президента Американской ассоциации слепоглухих. Суть его позиции в том, что возникает особая культура слепоглухих, чему приводилось множество доказательств. Мне очень симпатичен сам автор идеи и его коллеги, зато очень не по душе сама идея об особых инвалидных культурах. В Америке я не уставал восхищаться не только фантастической техникой для инвалидов, но, главное, изумительными людьми, посвятившими себя работе с ними. Делается буквально все, чтобы инвалиды были как можно более самостоятельными, как можно чаще были в состоянии душевного комфорта, чтобы хоть чему-то научить даже самого безнадежного, глубоко умственно отсталого слепоглухого и такие кошмарные сочетания «дефектов».

Но не направлена ли вся эта работа, вся бесконечная доброта на групповую изоляцию инвалидов от остального общества, на поощрение их

собственного стремления к своеобразному «коллективному одиночеству»? Неудивительно, если инвалид, защищаясь от жестокости или безразличия мира здоровых, пытается осознать себя предметом особого «народа слепых» или «народа глухих», или «народа слепоглухих», или «народа паралитиков» — с особой, уникальной, никому другому «народу» не свойственной «культурой»: обычаями, нравами, способами общения.

Конечно, между собой слепоглухих тоже не грех чаще общаться. Я чувствовал себя довольно одиноко, пока не

как эталон нормального развития для моих детдомовских ребятшек, как та среда, в которую можно было бы окунуть и слепоглухих детей.

В «Салюте» я передружился с ребятами из разных отрядов, многих научил тактильному (пальцевому) алфавиту, а сам я изучил технику барабанного боя, был принят в барабанчики (кроме шуток, очень горжусь). «Салютовцы» самоотверженно включали меня в свою жизнь: никогда не забуду, как Алеша повторял для меня движения красивого танца, исполняемого старшими девочками, как маленькая Таня из пятого отряда обучала меня танцевать, а Леночка, лучше всех овладевшая тактильной речью, повсюду водила меня и рассказывала обо всем происходящем. Прошайся, «салютовцы» приглашали меня на следующее лето приезжать с детдомовскими ребятами.

...Напомню, специальные инвалидные учреждения создавались потому, что в человеческом обществе за всю его историю накоплен горчайший опыт мучений инвалидов, особенно детей, среди здоровых. Но спасая от бесчеловечности общества, инвалидов обрекли на ущербное, примитивное существование в изоляции от этого общества. Убежден: сегодняшний гуманизм в том, чтобы уже в детстве больной ребенок чувствовал себя не инвалидом среди других инвалидов, а человеком среди других людей.

Да, вековой педагогический опыт свидетельствует, что здоровые дети обычно обижают детей инвалидов, и поэтому их надо обучать и воспитывать отдельно, оберегая от жестокости. Не спорю: враждебность между здоровыми и дефективными детьми — факт, детская жестокость — тоже факт, но если до сих пор в нашем опыте ничего другого не было, это еще не значит, что ничего другого и быть не может.

Мой личный детский опыт, кстати, подтверждает факт детской жестокости: до Загорска я учился во Фрунзе в школе слепых, и мои отношения с одноклассниками были крайне враждебными, я чувствовал себя изгоем, ибо к тому времени уже лишился слуха.

Вскоре я убедился: «обижать» моих ребят в этом лагере некому. Исключено. Просто потому, что это был на стоящий, т. е. нормальный коллектив. Такой, в котором невозможно шельмование сильными слабыми, инвалиды эти слабые или нет. И уж если растить слепоглухих детей среди здоровых, то только при этом условии: детский коллектив должен быть нормальным не просто в смысле неинвалидности его членов, а прежде всего в смысле человечности. В этом мы и убедились в «Салюте».

Ребята «салютовцы» сначала не подозревали о задержке развития слепоглухих ребят, считали их во всем равными себе, то есть думали, что они только видят, слышат и говорят хуже их, а в остальном такие же.

Пришлось объяснить разницу между адекватным и психологическим возрастом: по умению ориентироваться в человеческих отношениях слепоглухие ребята меньше самого маленького октябрятенка из младшего отряда. После этого отношение «салютовцев» к нашим ребятам стало осознанно шефским. Начальник лагеря и все вожаки отметили, что терпение и доброжелательность в общении с детдомовскими детьми ребята переносила и друг на друга, моральный климат в лагере заметно потеплел. Польза оказалась взаимной.

И все же я, как и другие энтузиасты «совместной педагогики», отдаю себе полный отчет в том, что на сегодняшний день слепоглухие ребята не могут надолго привлечь и увлечь зрячеслышащих детей. С ними трудно. Во что с ними играть, если они не видят и не слышат?

Что ж, значит, надо смелее переделывать, приспособлять существующие «зрячеслышащие» игры, постоянно играть новое и новое содержание для их общения — в коллективном труде, в совместных праздниках.

При этом отчетливо сознавая, что личностное развитие слепоглухого неизбежно сопряжено не только с радостью успехов и удач, но и с радостным чувством трагизма. Самосознание слепоглухих, нормально развитых, лично стно полноценных людей, с которыми я встречался в разных странах, при всем моем кричащем трагизме — музественно уже в силу того обстоятельство, что человек живет, согласен жить в этом кошмаре — в ситуации слепоглухоты. Так вот: можно ли стремиться к духовной полноценности вопреки инвалидности, не делая рано или поздно кошмарного открытия, сколь многого инвалидность лишает, не испытывая при этом открытия тяжелого эмоционального шока? Мне этой участи избежать не удалось. Неужели от нее не уйдешь за шепотом и моих ребят? Может быть, им хватит моего горького опыта? Как бы я хотел, чтобы им не повало бился свой! Может ли человек, переживший трагедию, не допустить ее повторения в жизни своих маленьких друзей? Надежды мало. Бедные мои малыши! Единственный, в чем я уверен: пока жив, буду рядом с ними.

Александр СУВОРОВ.